

0: ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

В только что минувшем столетии лишь немногие поляки удостоились полузабытого звания “государственного мужа”. Среди них Ежи Гедройц¹ занимает отдельное и особое место. Его позиции были диаметрально противоположны идеям, которые в польской политической мысли неизменно пользовались самой широкой поддержкой.

Безусловное право на это место дает ему, в частности, его отношение к “русскому вопросу”. Вся совокупность его взглядов на современное состояние и будущность польско-российских отношений кардинально отличается от воззрений тех политиков, идеологов и публицистов, которые в Польше оказывали влияние на общественное мнение, государственную стратегию и партийные программы.

Эти программы, несмотря на все свои различия, обладают одной отчетливой общей чертой: они обращены в прошлое, именно в нем пытаются найти причины и корни польских поражений и российских завоеваний и из прошлого же берут посылки для оценок сегодняшней ситуации нашей страны — ситуации совершенно новой, не имеющей аналогий в историческом прошлом. Концепцию же Гедройца отличает ее нацеленность на будущие события, на те, которым только предстоит наступить.

Судя по некрологам и посмертным апологиям, основной заслугой Гедройца было то, что он ни минуты не сомневался, что Польша вернет себе независимость, воспитывал в читателях “Культуры” веру в неизбежность этого события и сумел определить сопутствующие ему обстоятельства. Все это правда, и роль “Культуры” здесь переоценить невозможно. Но о независимости в Польше говорили все и всегда: как те, кто согласился бы даже на ее подобие, так и те, кто и слышать не хотел о независимости без возврата к довоенным польским границам. По этой причине в Польше общество терпимо относилось к феномену *графомании действия* и даже восхваляло его, а уж в особенности — если с оружием в руках. Именно этот феномен имел в виду Норвид, когда писал:

От книг у нас мало проку — слишком поздно они издаются.

А действия — скороспелы. Оттого и не удаются.

На этом извечном фоне Гедройц сумел совершить беспрецедентный подвиг: 637 номеров его ежемесячного журнала сумели опровергнуть эту горькую мысль поэта. Можно утверждать, что главной заслугой Гедройца было *заблаговременное* определение условий, необходимых для удержания и сохранения независимости. Подчеркнем: речь идет не о завоевании независимости на более или менее длительный срок, а о ее *удержании и сохранении*.

В отличие от всех практиков вооруженной борьбы и теоретиков соглашательства, Гедройц, сознательно оставив в стороне прежние споры, этнические фобии, национальные предрассудки, доминирующие настроения и частные интересы, определил эти условия с редкостной смелостью и все возраставшей с годами решительностью. В его концепции ключевое место занимает вопрос отношений Польши с Россией и — что особенно важно — поляков с русскими. Более того, Гедройц был первым, кто вбил в упрямые головы, как выразился Анджей Дравич, “первые азы понимания, что “советский” — это не то же самое, что “русский”, “украинский” или “белорусский””. И если бы не эти элементарные и безуданно повторяемые увещания, то разве удалось бы хоть кого-нибудь убедить в правильности стратегии “Культуры”?

* * *

Попытаемся вкратце напомнить, в чем именно заключалась эта стратегия и, что не менее важно, какие из нее вытекают выводы. Но в первую очередь следует объяснить, почему мы говорим о “концепции Гедройца”, тогда как сам редактор “Культуры” всячески избегал публикации собственных программных статей.

Разумеется, редакционную линию “Культуры” всегда было нетрудно распознать, наблюдая характерный выбор тем и авторов. “Культура” отнюдь не была эклектическим изданием. Миф о терпимости Гедройца возник не только потому, что он обычно публиковал без комментариев даже оскорбительные письма в редакцию, но прежде всего потому, что он печатал тексты, диаметрально противоположные его взглядам — если только они были талантливо написаны и могли послужить отправной точкой для серьезной дискуссии. Однако он решительно

отвергал все, что не продвигало польский вопрос вперед, а тянуло назад, в болото, в захолустье. Особенно он не переносил “эндеции”